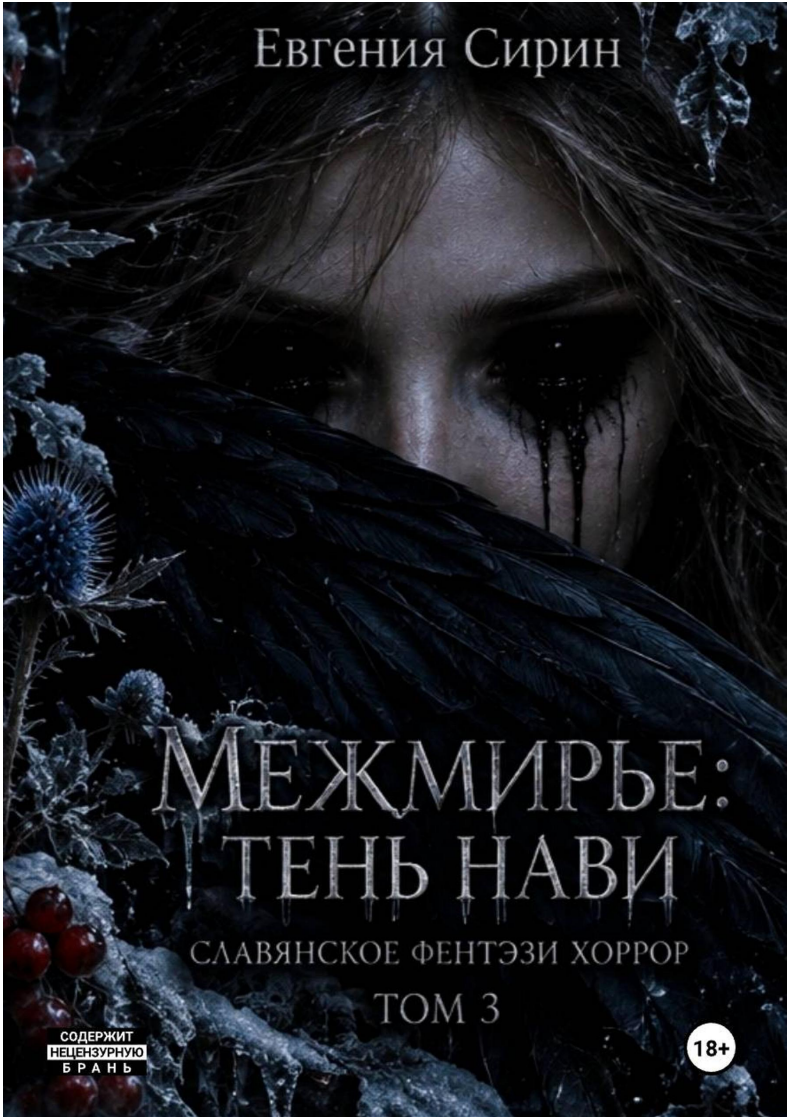

Евгения Сирин
МЕЖМИРЬЕ:
ТЕНЬ НАВИ
СЛАВЯНСКОЕ ФЕНТЭЗИ ХОРРОР
ТОМ 3
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Евгения Сирин

Межмирье. Тень Нави

https://litres.ru/74818513
SelfPub; 2026

Аннотация

Чёрным мрачным взором мира,
На границе двух миров,
Я крылом взмахну несмело —
Унесу печаль и боль.
Весы склонились в равновесии,
Перевесив справедливость и любовь.
Чёрным саваном забвения
Укрой меня от мира снов.
Пусть туман окутает дороги,
Скроет след в густой тени.
Здесь не будет ни упрёка,
Ни огня, ни злой вины.
Между светом и проклятьем,
Меж дыханием и тишиной,
Я останусь этим ветром —
Неживой, но всё же иной.

Евгения Сирин
Межмирье. Тень Нави

Пролог

Чёрным мрачным взором мира,
На границе двух миров,
Я крылом взмахну несмело
—Унесу печаль и боль.
Весы склонились в равновесии,
Перевесив справедливость и любовь.
Чёрным саваном забвения
Укрой меня от мира снов.
Пусть туман окутает дороги,
Скроет след в густой тени.
Здесь не будет ни упрёка,
Ни огня, ни злой вины.
Между светом и проклятьем,
Меж дыханием и тишиной,
Я останусь этим ветром —
Неживой, но всё же иной.
Евгения Сирин

Глава 1 Кукушонок

Варнава назвала найдёныша Велеславой. Имя пришло

к ней не из святцев, не от мужа, не от соседок. Оно явилось будто бы из ниоткуда — как ветер, что вдруг распахивает окна перед грозой. Когда она впервые произнесла его вслух, по избе пронёсся сквозняк, хотя дверь была плотно закрыта. Но Варнава не придала этому значения.

Имя легло на язык, как своё, будто она знала его всегда.

Девочка росла беспокойной. Ночи напролёт она не спала — ворочалась, всхлипывала, тянула ручки к пустоте, словно кто-то невидимый стоял у её колыбели и не давал покоя. Варнава вставала, укачивала, пела колыбельные, но ребёнок не успокаивался.

Глаза её, тёмные и слишком серьёзные для младенца, смотрели не на мать, а куда-то в угол, в тень, где не было ничего.

Или, может, всё-таки было.

День ото дня Варнава становилась раздражительной. Она всё чаще ловила себя на том, что её тянет уйти из дому, оставить эту девочку, что пришла в её жизнь незваной.

Любовь, которую она поначалу испытывала к подкидышу, таяла,

как последний снег. Вместо неё в сердце вырастало

что-то холодное и колючее.

«Не своя. Кукушонок. И не жалко», — эта горькая фраза застыла в её мыслях медным колом. Она не произносила её вслух. Но она жила в ней, разрасталась, пускала корни.

Девочка и без того была странной.

По ночам её не мучили кошмары — напротив, она засыпала с улыбкой, будто во сне встречала кого-то родного.

А по утрам бродила по двору, разговаривала с невидимым человеком и смеялась, запрокидывая голову.

Она звала его Огонёк. Варнава видела, как Велеслава держит в ладошке что-то, чего нет, как гладит воздух, как смотрит в пустоту с такой нежностью, с какой смотрят на самого дорогого друга.

От этого у женщины холодный пот выступал на затылке.

Местная ребятня её сторонилась. Велеслава не играла с ними,

не бегала наперегонки, не просилась в хороводы.

Она была им чужая. А они — ей.

В голодный год, когда хлеба не хватало, Велеслава приволокла домой чёрного кота. Худого, облезлого, с горящими жёлтыми глазами. Она прижимала его к груди, гладила, шептала что-то ласковое. Варнава, увидев это, освирепела. Она вырвала кота из рук девочки, швырнула за дверь и вдарила Велеславе по лицу — с такой силой, что та не устояла на ногах, упала и разбила нос. Кровь хлынула на пол, на белое платье, на дрожащие руки. Велеслава не заплакала. Только посмотрела на Варвару снизу вверх — тем же спокойным, слишком взрослым взглядом.

А на следующий день Варнава поскользнулась на мокром крыльце и сломала ногу. Местные шептались, что это божья кара.

Но перед Велей она так и не извинилась.

В деревне девочку звали по-разному: Веля, Велечка, Велесенька,

а то и вовсе — Велеся. Имя её растеклось по устам соседей, как мёд. Только одно она не терпела — когда её называли Слава.

Вроде бы и имя красивое, но она злилась, топала ногой и кричала:

— Я не мальчик!

Она ещё не знала, что имя её — не просто имя.

Что в нём спрятана судьба.

Что когда-то, много лет назад, седая женщина с костлявой ногой поставила ей на лоб невидимую печать и прошептала это имя как благословение.

Мир Варнавы и девочки Велесы рухнул в одночасье, когда этот бренный мир покинул единственный мужчина в семье.

Горьян Всеславич умер в конце зимы. Тихо, во сне, не сказав ни слова на прощание. Варнава нашла его утром — закоченевшее тело на холодной постели, глаза закрыты, руки сложены на груди, будто он сам приготовился к смерти. Она не заплакала. Только села рядом на пол и просидела так до полудня, глядя в одну точку. А когда встала — лицо у неё было серым, как пепел.

Велесе тогда едва исполнилось семь. Она не понимала, что произошло. Видела только, как мать ходит по дому, как чужие люди в тёмных одеждах выносят отца во двор, как соседки шепчутся за спиной. Она пыталась подойти к матери, обнять её, спросить, где папа. Но та мягко, но твёрдо отстраняла её рукой и уходила в другую комнату.

На поминках собралось много народу. Столы накрыли

во дворе, и запах поминальной кутьи смешивался с запахом мокрого снега. Велеса сидела в углу, прижимая к себе старую отцовскую рубаху, которую тайком вытащила из сундука. От неё пахло дымом и полынью. Она смотрела, как мать ходит между гостями — прямая, с сухими глазами, — и не понимала, почему та не плачет. Взрослые говорили, что так бывает. Что горе у всех разное.

Когда гости начали расходиться, Велеса подошла к матери.

Та стояла у окна, глядя на заснеженный двор. Девочка отдернула её за подол и тихо сказала:

— Мама, не плачь. Папа не умер. Он просто ушёл в другой мир.

Мы скоро с ним встретимся. Он там, и смотрит на нас.

Слова эти Велеса сказала не сама. Она слышала их от старухи-соседки, что приходила к ним прошлой осенью и рассказывала про то, как души уходят в иной мир и ждут там своих родных. Девочке это показалось красивым. Утешительным.

Она хотела, чтобы маме стало легче.

Но Варнава медленно повернулась к ней. И в её глазах — пустых, сухих, страшных — вспыхнула такая

ярость, что Велеса отшатнулась.

— Что ты сказала? — прошептала мать.

— Папа... он в другом мире... — пролепетала девочка.

— Мы встретимся...

Удар пришёлся по лицу. Резкий, хлёсткий, обжигающий.

Велеса упала на пол, схватившись за щёку. В ушах звенело.

Из носа потекла кровь. Она подняла глаза на мать

— и не узнала её. Перед ней стояла чужая женщина с перекошенным лицом и тёмными, как омут, глазами.

— Не смей так говорить, — процедила Варнава.

— Никогда. Не хватало, еще беду накликать. Ты меня поняла?

Велеса не ответила. Она просто смотрела на мать, и в этот самый миг, в этой самой тишине, что-то в их отношениях сломалось. Навсегда.

С того дня Варнава перестала видеть в дочери ребёнка.

Она видела в ней его. Горьяна. Его глаза, его улыбку, его манеру склонять голову набок, когда девочка о чём-

то задумывалась.

Всё в Велесе напоминало о муже — и всё это Варнава ненавидела. Она больше не обнимала дочь. Не целовала перед сном.

Не спрашивала, что та видела во сне.

Она просто кормила её, одевала, следила, чтобы та не болела.

Как следят за чужим. За обузой.

А Велеса росла. Странная, тихая, нелюдимая. Она не играла с соседскими детьми, не бегала с ними по улицам. Всё больше сидела в углу, что-то шептала себе под нос и смотрела в пустоту.

А по ночам, когда мать засыпала, к ней приходили тени.

Чёрные, безмолвные, они стояли у

её кровати и смотрели.

И Велеса их не боялась.

Потому что в их молчании было больше тепла, чем в словах матери.Так шёл день за днём.

Девочка с каждым днём становилась мрачнее и загадочнее.

Она почти не разговаривала, не улыбалась, и глаза её, тёмные и глубокие, смотрели на мир так, будто видели в нём то, чего не видели другие. Мать с дочерью больше не общались.

Изредка лишь встречались за работой — у печи, в огороде, во дворе. Перекидывались двумя-тремя словами и расходились. Каждая в свою сторону. Каждая в свою тишину.

По деревне начали расползаться слухи.

Сначала тихие, осторожные, за спиной. Потом — громче.

Мол, девочка Варнавы проклята. Мол, не от мира сего она. Мол, это её принесли в дом черти или ведьмы, накликав на семью беду. Кто-то вспомнил, что Горьян умер в ту самую зиму, когда Велесе исполнилось семь. Кто-то — что в день его смерти девочка сказала что-

то странное про «другой мир». Слухи сплетались в клубок, обрастали подробностями, и к весне по деревне уже никто не сомневался: в доме Варнавы живёт нечистое.

Велеслава услышала это случайно. Сидела на завалинке у чужого дома, ждала мать, а за открытым окном две бабы перешёптывались.

«Приёмыш она, — говорила одна. — Варнава её не рожала.

Горьян привёз откуда-то. Говорят, из лесу принёс, нашёл у болота». — «Да ты что?» — «Правда. А то, чего ж она на мать не похожа совсем? Ни лицом, ни статью. И глаза эти..., будто два разных человека в неё смотрят».

Велеслава сидела, не дыша. Внутри всё оборвалось.

Она не помнила, как встала. Как дошла до дома.

Как легла на кровать и уставилась в потолок. Она не плакала. Слёзы кончились давно. Она просто лежала, и в груди её росла пустота. Холодная, бездонная. Как-то самое болото, откуда, как говорят, её принесли.

С того дня она стала ещё тише. Ещё незаметнее.

Она будто сжалась в комок, спряталась в собствен-

ную тень.

А Варнава, глядя на неё, всё чаще поджимала губы. Всё чаще отводила глаза.

Всё чаще ловила себя на мысли, что эта девочка — не просто чужая. Она — обуза. И от неё нужно избавиться.

Всё решилось в один день. Бабка Глаша, старая, сгорбленная, толстая, с клюкой и вечным платком на голове, пришла к ним во двор, когда Варнава развешивала бельё. Посмотрела на Велеславу, что сидела у сарая и плела венок из сухой травы, и покачала головой.

— Слушай меня, Варнава, — сказала она, опираясь на клюку. — Девку твою надо в монастырь отдать. Тут, на краю села.

Пусть отмолят её. Пусть выгонят из её души чертей и бесов, пока они в неё не вцепились намертво.

Варнава замерла. Бельё в её руках повисло неподвижно.

Она смотрела на старуху, и в глазах её — усталых, измученных

— мелькнуло что-то похожее на наде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.